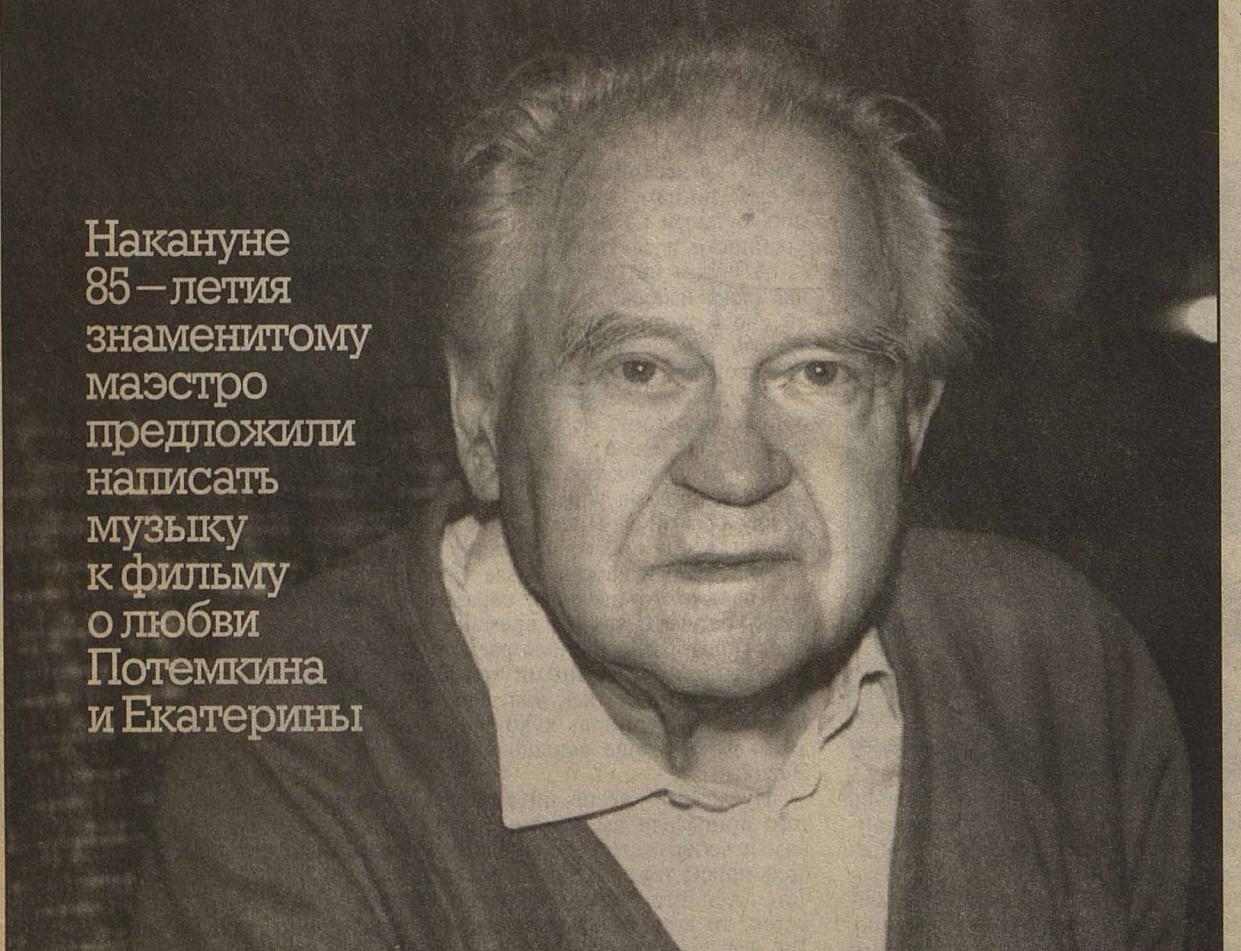

ТИХОН ХРЕННИКОВ: ВСЕ ЭТИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ «КОМПОЗИТОРЫ» БОЛЬШЕ ТРЕХ НОТ НЕ ЗНАЮТ

Накануне
85-летия
знаменитому
маэстро
предложили
написать
музыку
к фильму
о любви
Потемкина
и Екатерины

Тихон Николаевич Хренников, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, на протяжении 43 лет возглавлявший Союз композиторов СССР, несомненный рекордсмен в этой области: еще никому не удавалось так долго руководить ни одним творческим союзом, успешно сочетая разностороннюю общественную деятельность с не менее разносторонней творческой. Безусловное признание публики и коллег-профессионалов получили оперы Хренникова «В бурю» и «Фрол Скобев», его симфонии, скрипичные и фортепианные концерты. Песни Тихона Хренникова из кинофильмов «Свиная и пастух», «Верные друзья», «Поезд идет на Восток» и других знает вся страна. 10 июня композитор исполняется 85 лет.

— Тихон Николаевич, чем вы можете объяснить свое рекордное долгожительство на руководящем посту? Особый административный дар?

— Просто я никогда не держался за кресло. Видимо, это и определяло желание моих коллег видеть меня во главе Союза композиторов как можно дольше.

Ведь это только сначала, в 1948 году, я был назначен на этот пост Сталиным. А дальше каждый раз меня выбирали тайным голосованием.

— А как все происходило в 48-м?

— Однажды меня в 11 часов вечера вызвали в ЦК и показали приказ Сталина о моем назначении генеральным секретарем Союза композиторов. Никаких выборов, естественно, не было. А председателем оргкомитета был назначен академик Асафьев. Я был обескуражен и не знал, что делать. Когда приехал домой, супруга плакала: «Ты с ума сошел. Надо было отказаться». Но как я мог отказаться? В те времена приказы Сталина не оспа-

ривались. Вскоре Асафьев скончался, и во главе Союза композиторов остался я один. Позднее понял, что на этом месте смог помочь своим коллегам. Время было тяжелое, раскручивалась кампания борьбы с космополитизмом, и я счастлив, что в те годы ни один композитор не был арестован. Могу гордиться этим.

— Тихон Николаевич, а так ли уж необходим союз творческим людям, чья деятельность сугубо индивидуальная?

— Несомненно, необходим. Союз играл очень большую роль в музыкальной жизни страны. Мы заботились об исполнении произведений, широко пропагандировали музыку, помогали композиторам. У нас, кстати, были большие финансовые возможности. Бюджет составлял 20 миллионов рублей в год — по тем временам огромные деньги. Мы содержали дома творчества, строили дома и бесплатно давали квартиры членам союза. Композиторы могли жить и работать спокойно.

— Откуда брались деньги?

— Во-первых, получали отчисления от исполнения классики. Так что можно сказать, что нас в какой-то мере поддерживали Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков и другие. К тому же у нас было издательство, свои производства, мастерские. Одним словом, крутились, зарабатывали, и в итоге набегала кругленькая сумма.

— Однако попасть в союз было непросто. Наверняка были композиторы, недовольные тем, что их не подпускают к распределению благ.

— Союз композиторов был объединением профессионалов, а не просто сходка музыкантов. Чтобы попасть в него, надо было иметь высшее образование и написать что-то, имеющее общественное значение или успех у публики. Это сейчас появились «дарования», никогда ничему не учившиеся и знающие лишь три ноты. Они сочиняют музыку с помощью компьютеров, обходясь этими тремя нотами, и гордо именуют себя композиторами. Но чтобы стать настоящим музыкантом, надо лет пятнадцать учиться — школа, училище, консерватория.

Да, у нас были музыкальные секции, объединявшие вокруг себя людей, считавших, что их притягивают и не исполняют. Но сейчас, после раз渲а СССР, где эти люди? Где их концерты? Нету.

— Вы хотите сказать, что музыкальное диссидентство возникло на почве неудовлетворенных творческих амбиций? Но ведь искусство субъективно. Кому-то произведение нравится, кому-то нет.

— В каждом жанре искусства есть свои критерии. Я бы сказал, своя генеральная линия развития. Для музыканта — это искусство, опирающееся на народную музыку, на великое мировое наследие, на профессионализм и школу.

Были композиторы, считавшие, что в музыке присутствует конструктивное начало и именно оно должно быть основой музыкального творчества. И борьба шла именно по этим принципиальным линиям, а вовсе не по политическим.

— Тем не менее у нас официальное мнение всегда очень много значило. И какое-нибудь постановление или отзыв в прессе на-долго могли перекрыть дорогу талантливому человеку.

— Бывали перекосы. Вспомним грязь, выпущенную на головы Шостаковича, Хачатурия, Прокофьева. Но те же Шостакович, Прокофьев через год-полтора получали Сталинские премии. Они были самыми уважаемыми людьми. Шостакович официально признавался гениальным композитором. Так к нему относились и власти, и коллеги. А возьмите меня. Сколько меня критиковали и ругали. Когда я написал оперу «В бурю», которую поставил Немирович-Данченко в своем театре, три дня шла дискуссия. Из меня делали отбивную котлету. А опера «Фрол Скобев»? Ее в то время, когда я уже был руководителем Союза композиторов, запретил Комитет по делам искусств.

— В чем же вас обвиняли?

— Действие оперы происходило в XVII веке при Алексее Михайловиче. Меня обвинили в воспевании бояр и старой жизни. Пришло писать довольно резкое письмо Сталину о том, что считаю действия комитета абсолютно неправильными и что такие полицейские меры не приведут к расцвету культуры.

— И как Сталин отреагировал?

— Поручил Маленкову разобраться. Тот вызвал председателя комитета Лебедева и накрутил ему голову. В конце концов Лебедева сняли. Он глупо поступил, решив подражать Сталину. Сталин — это Сталин. Он мог сносить головы, оставаясь богом и сваливая все на своих соратников. А Лебедеву сваливать было не на кого.

— Вы лично встречались со Сталиным?

— Четыре раза. Он производил сильное впечатление. Я бы даже сказал, грандиозно-гипнотическое. Когда я стоял близко к нему, я считал это невероятным счастьем. Никто тогда не думал, что все плохое, что происходит в стране, исходит от него.

У меня два брата были арестованы в 37-м году. Одного брата — он был директором школы — мне удалось вытянуть. Я писал во все инстанции, пригласил

к

крупнейшего адвоката того времени — Брауда. Брата отпустили домой прямо из зала суда. Вся клевета, воззвигнутая против него, рухнула. Учителя, писавшие на него доносы, признались, что их вынудил НКВД. А второго брата мне не удалось спасти, «тройка» осудила его на десять лет. Он так и погиб в ла-

тере. И все равно я смотрел на Сталина как на бога.

— Вы говорили с ним на музыкальные темы?

— Я был председателем музыкальной секции Комитета по Сталинским премиям, и каждый год Фадеев, Симонов и я ходили на заседания Политбюро и встречались со Сталиным. Однажды мне пришлось поспорить с ним, и он со мной согласился. В то время появился великолепный балалаечник Нечипоренко. Сейчас он преподает в Академии музыки имени Гнесиных. Когда я его услышал, то был потрясен исполнением. Я показал его комитету. Все пришли в восторг, и он был выдвинут на премию. Председателем комитета тогда был Беспалов. Видимо, он решил выслужиться перед Сталиным: «Ну как это можно дать Сталинскую премию балалаечнику? Это приносит значение премии». И Сталин говорит: «Пожалуй». Я чувствую, что вся моя постройка рушится. Прошу слово и с присущим мне темпераментом заявляю, что не согласен с товарищем Беспаловым. Что проблема этого народного инструмента была решена еще в XIX веке, когда появились такие балалаечники, как Трояновский, Андреев. Что Нечипоренко, окончивший Ленинградскую консерваторию, по сути дела балалаечный Ойструх, он играет всю скрипичную литературу, и никак нельзя говорить о том, что это низкое искусство. И тогда Сталин сказал: «Давайте дадим».

— Насколько я знаю, Союз композиторов не подчинялся Министерству культуры?

— Мы подчинялись только ЦК, и то до известной степени. Тогда руководство союза было самым авторитетным. Секретариат состоял из Шостаковича, Хачатурия, Свиридова, Кара-Караева, Шедрина. Это крупнейшие композиторы мира. И ЦК считался с этим секретариатом. Мы не стояли перед верхами в позиции «что прикажете?». Другое дело, приходилось иногда считаться с политическими вопросами и проблемами.

— Но музыка ведь, пожалуй, самый аполитичный вид искусства.

— Ну мало ли на какой текст написаны вокальные произведения. Текст идеологически не выдержан — вот вам и конфликтная ситуация.

— Тихон Николаевич, спокойной вашу жизнь вряд ли можно назвать: огромная общественная работа плюс плодотворное личное творчество, которым вы занимаетесь до сих пор. Есть ли у вас какой-нибудь секрет трудовой активности? Может быть, особый режим соблюдаете?

— Никакого режима я не соблюдаю. Я всегда очень мало отдохнул. Дай Бог раз в году ездил в санаторий. Вся моя жизнь — работа. Недавно вот закончил балет «Капитанская дочка», который собирается ставить Крем-